

ство либо попустительство по службе, что не характерно для коммерческого подкупа. Покровительство, в частности, может выражаться в незаконном содействии продвижению по службе, предоставлении необоснованных льгот, например трудового отпуска, либо в представлении лица к незаслуженным поощрениям и наградам. Попустительство же проявляется в умышленном непринятии мер к пресечению противоправных действий взяточника, игнорировании его нарушений или отсутствии должной реакции на выявленные факты неправомерного поведения.

Следующим отличительным признаком данных преступлений выступает специфика их специальных субъектов. В соответствии со ст. 252 УК Республики Беларусь, субъектом коммерческого подкупа является работник индивидуального предпринимателя либо юридического лица, который не обладает статусом должностного лица. Напротив, согласно ст. 430 УК Республики Беларусь, субъектом получения взятки может быть исключительно должностное лицо.

Субъективная сторона в обоих составах основана на прямом умысле, однако при получении взятки он направлен на использование публично-властных полномочий вопреки интересам государственной службы, тогда как при коммерческом подкупе — на использование управленческих функций в частной сфере, что отражает различие охраняемых законом интересов.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование позволило определить основные различия между такими уголовно наказуемыми деяниями, как коммерческий подкуп и получение взятки, предусмотренные УК Республики Беларусь. Сравнительный анализ показал, что ключевыми критериями их разграничения выступают объекты преступлений и характеристика субъектов, что и определяет самостоятельность каждого состава. Из вышесказанного можно сделать вывод, что разграничение рассмотренных составов преступлений имеет существенное теоретическое и практическое значение для правильной квалификации деяния и определения справедливой меры наказания.

1 Уголовное право Республики Беларусь. Научно-методологические основы : учебник / С.В. Ананич [и др.] ; под общ. ред. О.И. Бахура, А.В. Ковальчука. – Минск: Академия МВД, 2024. – 535 с.

2 Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь : по сост. на 19 авг. 2025 г. : в 2 т. / В. М. Хомич, Н.А. Бабий, А.В. Барков [и др.] ; под общ. ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова. – Минск : Амалфея, 2025. – Т. 1. – 776 с.

3 Гурщенков, П. В. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности / П. В. Гурщенков, Д. А. Лаппо. – Текст : электронный // Репозиторий ВГУ имени П. М. Машерова. – URL: [Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.](#) (дата обращения: 23.02.2026). – Электрон. версия ст. из: Актуальные проблемы государства и права в сравнительно-правовом аспекте: сборник научных статей. – Витебск, 2021. – С. 140-144.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: ПОДХОДЫ К ИХ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЮ КАК ЧАСТИ НАСЛЕДСТВЕННОЙ МАССЫ

Торицына М.А.,

*студентка 3 курса Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Российская Федерация
Научный руководитель – Дорошенко Т.Н., канд. ист. наук, доцент*

В эпоху стремительной цифровизации общества цифровые активы приобретают статус полноценного объекта экономического оборота. Однако, сохраняются пробелы в гражданском законодательстве, связанные с правовым регулированием таких активов, в том числе – в части их наследования. Актуальность исследования обуславливается правовой неопределенностью порядка включения цифровых активов в наследственную массу: состава активов, подлежащих включению, затрагивающей законные права наследников, подрывающей стабильность делового оборота.

Цель работы – гражданско-правовой анализ подходов к рассмотрению цифровых активов как части наследственной массы, а следовательно – как объекта гражданских прав.

Материал и методы. Для проведения гражданско-правового анализа в данном исследовании был применен метод анализа литературы и нормативных актов по исследуемой теме, а также методы сравнения и структурирования данных из различных источников и ресурсов.

Результаты и их обсуждение. Включение цифровых активов в сферу гражданско-правового регулирования связано с закреплением категории цифровых прав в гражданском законодательстве. Согласно положениям ст. 128 и 141¹ ГК РФ, цифровые права рассматриваются как разновидность имущественных прав, существующих в информационной системе, осуществляемых в соответствии с ее правилами. Отмечается, что термин «цифровой актив» - более широкий, охватывающий как промаркированные в законе цифровые права, так и иные формы цифрового имущества. При этом не всякий цифровой объект равняется объекту наследования: ключевой критерий – наличие имущественного содержания и оборотоспособности [1].

С точки зрения наследственного права основополагающее значение имеет принцип универсального правопреемства, закрепленный в ст. 1112 ГК РФ, согласно которому в состав наследства входят принадлежащие наследодателю имущественные права и обязанности. Следовательно, при наличии имущественной природы цифровые активы должны включаться в наследственную массу на общих основаниях. Однако возникает проблема, обусловленная отсутствием прямого законодательного указания на их правовой режим, сложностями идентификации и доступа к таким активам. Кошелек или аккаунт выступает лишь техническим средством доступа, тогда как объектом наследования является соответствующее имущественное право, что требует разграничения юридической и технологической составляющих цифрового актива [2].

В юридической литературе сформировалось несколько подходов к правовой классификации цифровых активов в контексте наследования. Первый исходит из признания их самостоятельным видом имущества, подлежащим наследованию на общих основаниях. Второй рассматривает цифровые активы как информацию, что исключает их включение в наследственную массу. Наиболее обоснованным представляется третий, смешанный подход, который предлагает разграничивать цифровой актив по содержанию на элементы: имущественные и личные неимущественные. Такой подход позволяет, с одной стороны, обеспечить защиту имущественных интересов наследников, с другой – сохранить режим охраны личных прав, связанных, например, с персональными аккаунтами и конфиденциальными данными наследодателя [4].

Правоприменительная практика в Российской Федерации пока не выработала единообразного подхода к наследованию цифровых активов. Вместе с тем, общие правовые позиции исходят из расширительного толкования категории имущества и допускают включение в наследственную массу любых имущественных прав, имеющих экономическую ценность, если иное прямо не установлено законом и если такой объект соответствует критериям ст. 128 и 141¹ ГК РФ. В подобных случаях применяется допускаемый законодательством механизм аналогии закона, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии нормативного пробела.

Сравнительно-правовой анализ подтверждает тенденцию к признанию цифровых активов объектами наследственного правопреемства. Так, практика Bundesgerichtshof (с нем. Федеральный верховный суд Германии) исходит из того, что цифровые аккаунты и связанные с ними имущественные права переходят к наследникам по правилам универсального правопреемства, аналогично иным имущественным объектам. Схожая позиция закрепляется и в американском RUFADAA (закон Соединенных Штатов Америки, предоставляющий доверенным лицам доступ к цифровым активам умерших или недееспособных лиц). Данный подход демонстрирует приоритет экономического содержания над формой существования актива и может рассматриваться как ориентир для развития отечественного регулирования [3].

Заключение. Таким образом, цифровые активы при наличии имущественной ценности и оборотоспособности должны квалифицироваться как объекты гражданских прав и включаться в наследственную массу в силу общего принципа универсального право-

преимущества. Современное состояние правового регулирования характеризуется фрагментарностью и требует законодательной конкретизации, прежде всего в части определения состава наследуемых цифровых активов и порядка доступа наследников к ним. Решение указанных вопросов позволит повысить правовую определенность и обеспечить стабильность гражданского оборота в условиях цифровой экономики.

1 Агибалова, Е.Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав / Юридический вестник. – 2020. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-prava-v-sisteme-obektov-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 11.02.2026). – Текст: электронный.

2 Ильин, В.Г. Объекты гражданских прав в условиях цифровизации имущества // Интерактивная наука. – 2022. – № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekty-grazhdanskih-prav-v-usloviyah-tsifrovizatsii-imuschestva> (дата обращения: 11.02.2026). – Текст: электронный.

3 Лаптев, В.А. Правовая природа цифрового наследства: проблемы квалификации // Вестник гражданского права. – 2024. – № 1. – С. 37-46.

4 Харитонов, Ю.В. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Law Journal of the Higher School of Economics. – 2024. – № 2. – С. 74-95.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОГО ПОРУЧИТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Унукович Ж.Ю.,

магистрант 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Стаценко В.Г., канд. ист. наук, доцент

Применение мер пресечений в уголовном процессе направлено на предотвращение препятствий со стороны подозреваемого или обвиняемого производству по уголовному делу. Достижение этой задачи осуществляется путём наложения на права подозреваемого или обвиняемого ограничений. Целью данной работы является исследование условий применения личного поручительства, как одной из менее ограничительных мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь.

Материал и методы. Основой исследования являются Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, а также Положение «О порядке осуществления помилования осужденных, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию преступлений и устранению последствий их совершения». В работе были использованы формально-юридический метод исследования, а также метод правового анализа.

Результаты и их обсуждение. В юридической литературе достаточно вариантов классификации мер пресечения, что способствует формированию представления о каждой из них и указывает на их разнообразие. По критерию способа обеспечения необходимого поведения С.И. Викторский подразделил их на: 1) отнимающие физическую возможность уклоняться от следствия (например, заключение под стражу); 2) затрудняющие свободу передвижения (подписка о невыезде и надлежащем поведении); 3) создающие особый мотив не уклоняться [1, с. 19].

Одной из представительниц третьего вида предложенной классификации является достаточно демократичная мера пресечения в виде личного поручительства. Механизм её действия сводится в первую очередь к психологическому воздействию на подозреваемого или обвиняемого, т. к. подразумевается, что перспектива материальной ответственности поручившихся за него лиц должна побудить его к надлежащему поведению.

Исходя из ч. 1 ст. 121 УПК поручителями могут выступать только заслуживающее доверия лица, при этом круг их законодателем не ограничен. Предлагаем внести конкретику лиц, которые имеют право заявить ходатайство о личном поручительстве [2].

В п. 10 Положения «О порядке осуществления помилования осужденных, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию преступлений и устранению последствий их совершения» определено, что поручителями могут быть дееспособные родители или лица, их заменяющие, иные совершеннолетние родственники и близкие лица осужденного, лица по месту работы (учебы) или жительства осужденного до его осуждения [3]. По аналогии предлагаем ст. 121 УПК дополнить ч.1¹ и изложить ее следующим образом: «Поручителями могут быть дееспособные родители или лица, их заменяющие,